

АЛЕКСЕЙ ДАЛЬНОВИДОВ

ПРИЗРАКИ НА ВЕРФИ

Алексей Дальновидов

Призраки на верфи

«АСТ»

Дальновидов А.

Призраки на верфи / А. Дальновидов — «АСТ»,

1805 год, Портсмут. В разгар войны с Наполеоном Англия держится на мощи своего флота. На королевской верфи, где в строжайшей тайне строится новейший линейный корабль «Тандерер», происходит немыслимое: серия диверсий, а затем жестокое убийство главного инженера. Под подозрением — все: от местных луддитов, громивших станки, до агентов французской разведки, жаждущих заполучить чертежи. Для расследования Адмиралтейство вызывает отставного капитана Джеймса Фолкнера — человека, чья карьера рухнула после трагического боя, а душа отягощена призраками прошлого.

Глава 1. Весть из Адмиралтейства

Ветер с залива гнал по крышам Портсмута осеннюю сырость, вползавшую в каждую щель, в каждую кость. В коттедже на окраине Порси-Айленда Джеймс Фолкнер, отставной капитан королевского флота, сидел у потрескивающего камина и пытался читать. Безуспешно. Слова в книге расплывались, уступая место другим картинам: вспышкам пушечных залпов, клубам едкого порохового дыма, пронзительному крику рвущихся снастей. И всегда – холодные, темные воды, поглотившие «Медузу».

Боль в бедре, где засела французская шрапнель, ныла в такт завыванию ветра в трубе. Фолкнер отложил книгу, потянулся к графину с виски на грубом дубовом столе. Золотистая жидкость на секунду задержалась в стакане, отражая прыгающий огонь, а затем отправилась исполнять свою единственную обязанность – притуплять остроту памяти.

Его уединение нарушил стук в дверь. Негромкий, но настойчивый, не похожий на почтальона или соседа. Фолкнер нахмурился. Гости были ему не нужны. Он медленно поднялся, опираясь на трость, и открыл дверь.

На пороге стоял сухой, подтянутый человек в темном сюртуке и безупречно белом галстуке. Его лицо было лишено какого-либо выражения, а в руках он держал не простой конверт, а плотный пакет из пергамента с красной сургучной печатью.

– Капитан Джеймс Фолкнер? – Голос был ровным, лишенным интонаций, как чтение строевого устава.

– Бывший капитан, – поправил Фолкнер. – Чем обязан?

– Приказ от лордов Адмиралтейства, – произнес посланец, протягивая пакет. – Вам надлежит немедленно явиться к главному смотрителю королевской верфи. Вопрос требует вашего личного участия и относится к делам чрезвычайной важности.

Сердце Фолкнера судорожно сжалось. Адмиралтейство. Верфь. Эти слова были крючками, вытаскивающими его из тихой, пусть и отравленной скорбью, заводной жизни обратно в шум, грохот и запах смолы – в самое сердце его прошлых кошмаров.

– Я отставлен по состоянию здоровья, – отрезал Фолкнер, не принимая пакет. – В моих услугах более не нуждаются.

– Приказ содержит прямое указание, капитан, – голос курьера стал чуть жестче. – Отказ будет расценен как неподчинение в военное время. Ситуация на верфи... деликатна. Требуется человек с вашим опытом и... – посыльный едва заметно замялся, – ...и с вашим пониманием цены ошибки.

Последняя фраза ударила точно в цель. Фолкнер почувствовал, как подступает знакомая тошнота. Они знали. Знают о «Медузе», о его вине, которую он носил в себе тяжелее любого якоря. Они предлагали не просто задание. Они предлагали искупление. Или новую ловушку.

Он молча взял пакет. Сургуч под его большим пальцем был холодным и гладким. Печать – якорь и корона.

– Когда? – спросил Фолкнер, глядя сквозь посыльного в серую пелену начинающегося дождя.

– Завтра, на рассвете. Вас ожидают в конторе смотрителя. – Курьер кивнул, повернулся на каблуках и растворился в сгущающихся сумерках.

Фолкнер закрыл дверь, прислонился к ней спиной. Тишина в доме стала иной – тяжелой, звенящей. Он разорвал печать. Внутри был лаконичный приказ за подписью высокопоставленного чиновника и краткая сопроводительная записка: «На верфи «Тандерер». Саботаж. Смерть. Молчание обязательно».

Он медленно подошел к камину и бросил записку в огонь. Бумага вспыхнула, осветив его изможденное, покрытое шрамами лицо. «Тандерер» – громовержец. Ирония судьбы. Его корабль носил имя мифического чудовища, а теперь ему предстояло идти к кораблю-громовержцу, в самое логово.

Фолкнер допил виски. Завтра он снова ступит на верфь. Место, где рождались и умирали корабли. Место, где, как он надеялся, навсегда осталась часть его души. Теперь ему предстояло найти там призраков. И, возможно, встретить своих собственных.

Глава 2. «Тандерер» на стапеле

Рассвет застал Фолкнера на набережной, откуда открывался вид на королевскую верфь. Это был отдельный мир, город в городе, ошетилившийся лесами мачт, переплетением канатов и угрюмыми корпусами кораблей на всех стадиях рождения. Воздух, насыщенный запахом смолы, влажного дерева и ржавого железа, ударил его в ноздри, как дуновение из прошлой жизни.

Его пропустили через ворота под бдительными взглядами часовых морской пехоты. Грохот был оглушительным: стук сотен молотков, скрежет пил, рёв лебедок, крики бригадиров. Казалось, сама Англия, стиснув зубы, ковала здесь свой стальной кулак против Наполеона.

У конторы смотрителя его уже ждал тот самый мистер Харрис – тщедушный, суетливый человек в испачканном мелом сюртуке. Его глаза бегали, не останавливаясь ни на чем.

– Капитан Фолкнер! Благодарю, что прибыли столь поспешно. Ситуация, право, невыносимая... – он тут же понизил голос до шёпота, – ...подорывает дисциплину. Идёмте, вам нужно увидеть всё своими глазами.

Харрис повёл его вглубь верфи, к самому большому крытому эллингу. И там, в полумраке, под сводами, затянутыми паутиной теней и строительной пылью, Фолкнер его увидел.

«Тандерер».

Он ещё не был кораблём. Он был его устрашающим скелетом. Гигантский киль, как хребет левиафана, покоился на стапелях. К нему, словно рёбра, крепились шпангоуты, уходя вверх, к недостроенным палубам. Масштаб сооружения подавлял, заставляя чувствовать себя букашкой. Но Фолкнер, моряк старой закалки, увидел нечто большее: в линиях этого остова угадывалась необычная стройность, некий математический изгиб, обещавший невиданную для 74-пушечника скорость.

– Неслыханные пропорции, – пробормотал он себе под нос.

– Инженер Максвелл, – вздохнул Харрис, словно это имя объясняло всё. – Говорит, его расчёты изменят всё кораблестроение. Но из-за них же и беда.

Харрис быстро представил «действующих лиц», собравшихся у подножия лесов:

● Эдгар Максвелл, главный инженер. Сухопарый, с пронзительным взглядом из-под седых бровей и чертами, заострёнными постоянной мыслью. Его рука, когда он пожимал руку Фолкнеру, была цепкой и нервной. Он смотрел на «Тандерера» не как на работу, а как на дитя.

● Джонатан Клейв, его помощник. Молодой, щеголеватый, с аккуратным пробором. Его улыбка была слишком отточенной, а глаза оценивающими. В его манере чувствовалось стремление не столько строить, сколько управлять.

● Билл «Старина» Роджерс, мастер-такелажник. Гора мяса и мышц, с лицом, выветренным всеми океанскими штормами, и руками, размером с окорок, которые, казалось, знали узел, неизвестный остальному человечеству. Его молчаливое кивание значило больше, чем десяток речей Харриса.

● Сайлас Брюстер, надсмотрщик. Лицо цвета сырого мяса, маленькие глазки-щёлочки. Он стоял по стойке «смирно», но его взгляд, скользнувший по рабочим, был полон тупой, хищной подозрительности.

– Расскажите о саботаже, – потребовал Фолкнер, отводя взгляд от гипнотизирующего зрелища корабля-скелета.

Харрис затараторил о мелких, но досадных происшествиях: ночью были перерезаны десятки отмеренных и осмолённых канатов; в механизме новой паровой пилорамы найден песок; кто-то подпилит опоры на лесах верхнего дека.

– Бунтовщики-луддиты! – прошипел Брюстер. – Ненавидят машины. Мечтают вернуть нас во времена парусных игл!

– Или французские шпионы, – добавил Клейв, стараясь выглядеть значительным. – Им позарез нужны чертежи мистера Максвелла.

– А может, просто недовольные жалованьем и условиями, – глухо проронил Роджерс, не глядя ни на кого.

Максвелл до сих пор молчал, его взгляд был прикован к какому-то стыку кия. Наконец он обернулся к Фолкнеру.

– Капитан, – его голос был тихим, но резал шум верфи, как пила. – Эти дикости – детские шалости. Симптом, а не болезнь. Настоящая опасность... – он сделал паузу, бросая быстрый взгляд на Клейва и Харриса, – ...в предательстве разума. В краже идей. Кто-то здесь боится будущего. Или слишком жаждет его присвоить.

Последние слова он произнёс, глядя прямо в глаза Фолкнеру, как бы передавая ему незримый груз. Потом, не прощаясь, развернулся и скрылся в лабиринте лесов, словно призрак своего собственного корабля.

Фолкнер остался стоять под холодной тенью «Тандерера». Он слышал ложь в словах Харриса, скрытую злобу в глазах Брюстера, амбиции Клейва и немую правду Роджерса. А слова Максвелла висели в воздухе, как запах грозы. Это было не просто расследование. Это была охота в самом сердце английской мощи. И первой добычей, как он смутно чувствовал, станет не саботажник, а сам гениальный инженер.

Глава 3. Тень «Медузы»

Комната, которую выделили Фолкнеру в служебном флигеле на территории верфи, была казённой и безликой: голая койка, грубый стол, стул да печка-буржуйка, от которой веяло запахом холодной золы. Но главное – она была на удивление тихой. Тяжёлые стены заглушали грохот верфи, и эта внезапная тишина после дня, наполненного рёвом железа и леса, оказалась губительной.

Она давила на уши, заставляя прислушиваться к внутреннему шуму. А внутри поднималось то, что Фолкнер так старательно топил в виски.

Он не стал разжигать огонь. Сидел в темноте, курил трубку, наблюдая, как красная точка в полумраке то разгорается, то угасает в такт его мыслям. Образ «Тандерера» на стапеле, этого костяного гиганта, смешивался с другими образами. С обшивкой «Медузы», вспученной от попавшего в пороховой погреб ядра. С её мачтами, ломающимися и падающими в воду, опутанные паутиной снастей, в которой бились, как мухи, его люди.

«Предательство разума», – сказал Максвелл. Какая чушь. Настоящее предательство – это предательство долга. Когда ты, капитан, остаёшься жив, а твой корабль и двести семьдесят душ уходят на дно в кромешном аду огня и ледяной воды. Разум здесь ни при чём. Только страх. И вина. Всепоглощающая, как тот водоворот, что затянул обломки.

Он погасил трубку, лёг, уставившись в потолок, где танцевали отблески единственного фонаря снаружи. Усталость валила с ног, но сон был похож на минное поле. Он боялся закрыть глаза.

И всё же сон пришёл. И принёс с собой не забытьё, а воспоминание в чистом, обжигающем виде.

Он снова на квартердеке «Медузы». Воздух вырван из лёгков грохотом залпа собственных бортовых орудий. Сквозь дым он видит силуэт французского фрегата. Потом – ослепительную вспышку у его ватерлинии. Не взрыв – нет. Тихий, почти изысканный удар, который заставляет всё огромное судно содрогнуться, как живое существо, от невыносимой боли. Глухой удар изнутри. И затем – огонь. Он вырывается не из палуб, а из самого нутра корабля, из пушечных портов, из люков. «Медуза» взрывается из середины. Это не честный бой. Это казнь. Скрип ломающихся ипангоутов сливается в один непрерывный стон...

Фолкнер сел на кровати, обливаясь холодным потом. Сердце колотилось, будя старую боль в рёбрах. Он тяжело дышал, вглядываясь в темноту. Кошмар отступил, но его отголоски остались в реальной комнате. Тот самый скрип. Тихий, настойчивый.

Он замер. Это был не скрип мачт. Это был скрип дерева по дереву здесь, в здании. Шаги? Нет, ритма не было. Скорее, осторожное движение. Или... работа с чем-то.

Фолкнер бесшумно поднялся, накинул на плечи сюртук, взял трость – не как опору, а как возможное оружие. Дверь в коридор скрипнула негромко под его рукой. Снаружи было пусто и темно, лишь в дальнем конце мерцала тусклая лампа. Скрип шёл не отсюда. Он вёл обратно, в комнату, но... из стены?

В его казённой конуре был заложенный ныне дверной проём, ведущий, судя по плану здания, в соседнее, заброшенное помещение склада чертежей. Фолкнер подошёл к стене, приложил ладонь к холодной штукатурке. Тишина. Он уже решил, что это игра воображения, как звук повторился. Чёткий, как скрежет пера по бумаге, но глухой, из-за преграды.

Кто-то был за стеной. Ночью. В закрытом помещении.

Адреналин пронзительной струёй смыл остатки сна и страха. Это было не прошлое. Это было настоящее. Возможно, то самое «предательство разума» в действии.

Он не стал ломиться в дверь – слишком много шума. Вместо этого он вышел в коридор, отыскал запасной выход на задний двор. Морозный ночной воздух обжёг лёгкие. Прижавшись к грубой каменной кладке, он двинулся к заколоченному окну соседнего помещения. Одна доска отходила. В щель не было видно света, но слышна была возня – осторожное, но поспешное перекладывание бумаг.

Фолкнер затаил дыхание. Он мог поднять тревогу. Но тогда спугнёт того, кто там есть. Он был здесь не как стражник, а как охотник. Охотник на призраков. И первый из них материализовался этой ночью, в двух шагах от его койки.

Он решил ждать. Пусть призрак закончит свою работу и выйдет, чтобы увидеть его лицо. Он вжался в тень, сливаясь с холодным камнем, пальцы судорожно сжали набалдашник трости. Ветер с залива выл в воронках доков, и этот вой странным образом сливался со стоном из его сна. Прошлое и настоящее сплетались в тугой узел здесь, у подножия недостроенного левиафана. Охота началась.

Глава 4. Машины и кувалды

Ночь не принесла ответов. Тот, кто копошился за стеной, словно почуял опасность. Шорохи прекратились, и больше никто не вышел из заброшенного склада. Фолкнер, зачехливший в своей засаде, в итоге вернулся в комнату под утро, раздражённый и продрогший. Он проверил заложенную дверь – с той стороны она была завалена старыми чертёжными столами, и сдвинуть их бесшумно было невозможно. Значит, у того человека был другой вход. Потайной. Мысль о том, что на верфи, этой цитадели порядка, есть скрытые ходы, была тревожнее явного взлома.

Утренняя смена уже гудела, когда он вышел на верфь. Сегодня он смотрел на неё иначе. Не просто как на стройку, а как на поле битвы, где линии фронта проходили не между нациями, а между эпохами. С одной стороны – вековой ритм ручного труда: стук топоров, скрип

рубанков, песни плотников, кладущих доску за доской. С другой – резкий, рвущий шаблон лязг нового: паровая пилорама, чёрная, закопчённая, изрыгающая клубы белого пара и опилок, рев которой заглушал человеческие голоса.

Именно к ней, к этой железной уродине, его привела новая суета. Возле пилорамы собралась кучка людей. Слышался гневный спор. Надсмотрщик Брюстер, краснорожий от ярости, тыкал пальцем в грудь Биллу Роджерсу.

– Твои люди! Это на их совести! Машину запороли намертво!

Роджерс стоял, неподвижный, как скала, его лицо ничего не выражало.

– Мои люди узлы вязать умеют, а в железе не смыслят. Докажи.

Фолкнер подошёл ближе. Механик, чьё лицо и руки были чёрны от машинного масла, вылез из-под станины.

– В паровую магистраль, сэр, – обратился он к Фолкнеру, видимо, уже зная, кто он такой, – запихнули тряпье, намертво. И в регуляторный клапан – горсть металлической стружки. Задирать её будем до вечера. Без пилы работа по распилу шпангоутов встала.

В толпе рабочих, наблюдавших за этим, Фолкнер уловил странную смесь эмоций: было и любопытство, и злорадство, и страх. Но никто не смотрел на сломанную машину с сожалением.

– Кто последним работал на ней вчера? – спросил Фолкнер.

– Бригада Кроули, – буркнул Брюстер.

– Приведи Кроули.

Кроули оказался молодым, жилистым парнем с умными, но нагловатыми глазами. Он клялся, что оставил всё в порядке.

– Мы ушли с последним гудком, сэр. Машина была исправна. А тряпки эти... – он пожал плечами, – может, крысы. Или те, кому наша работа поперёк горла.

– Кто именно? – напрямую спросил Фолкнер.

Парень замялся, оглянулся на суровые лица своих товарищей. Молчание было красноречивее слов. Страх здесь был сильнее желания помочь.

Внезапно из толпы раздался голос, хриплый и полный ненависти:

– Машины отнимают хлеб! Отнимают ремесло! Они превращают мастера в придаток к рычагу! Долой железного дьявола!

В воздухе просвистел камень и со звоном ударился в кожух пилорамы. Толпа зашевелилась, как встревоженный улей. Брюстер выхватил дубинку:

– Кто бросил?! Я вас всех в каторжной тюрьме сгною!

Но бросившего было не видно. Он растворился в толпе, как и ночной призрак в складе. Фолкнер понял: враг здесь не один. Он – это настроение. Ядовитое, растущее, как плесень в сырых углах верфи. Луддиты. Они не просто боялись будущего – они сражались с ним отчаянно и подло.

После инцидента Фолкнер нашел Роджерса, который курил трубку в тени огромного, почти готового киля «Тандерера».

– Они слушают вас, Роджерс. Кто они?

Старый моряк долго выдыхал дым.

– Люди, капитан. У которых отцы и деды строили корабли так, как учили их отцы и деды. А теперь приходит эта... железяка, – он кивнул в сторону пилорамы, – и говорит: всё, что ты умеешь, не нужно. Твои руки больше не лучший инструмент. Ты теперь не мастер, а обслуживающий. Это горькая пилюля.

– И вы с ними?

Роджерс посмотрел на Фолкнера своими выцветшими, будто выгоревшими на солнце глазами.

– Я за корабль. Корабль должен быть крепким. Должен держать удар и нести паруса. А рождается ли он от топора или от пара... – он махнул рукой, – Мне всё равно. Но им – нет. И они этого не скроют. Бросать камни – глупо. Портить – преступно. Но я их понимаю.

Вернувшись к сломанной машине, Фолкнер размышлял. Саботаж был грубым, примитивным. Слишком примитивным для умного шпионажа. Это была не кража идей, а проявление чистой ненависти. Или... блестящая маскировка? Что, если кто-то сознательно натравливает луддитов, чтобы под шумок совершить нечто более серьёзное? Ту самую «кражу разума»?

Вечером, когда смолкли последние молотки, Фолкнер снова обошёл здание. И нашел его – потайной люк в полу заброшенного склада, замаскированный под груды старых парусов. Он вёл в систему ливнёвок, проложенных под всей верфью. Лабиринт, в котором мог спрятаться кто угодно. И из которого можно было попасть куда угодно.

В том числе – в чертёжную палату Эдгара Максвелла.

Глава 5. Кровь на дубовых балках

Работа на верфи не прекращалась ни на час, даже ночью при свете фонарей и факелов кипела деятельность в самых ответственных местах. Поэтому, когда на рассвете раздался не крик, а какая-то неестественная, протяжная тишина, сменившая привычный грохот в районе кормовых подкреплений «Тандерера», это встревожило сильнее любой сирены.

Фолкнер, дремавший в одежде на койке, вскочил от ощущения беды, знакомого до тошноты. Он выбежал во двор. К эллингу, где стоял корабль, бежали люди. Не суетясь, а с какой-то ошеломлённой, тяжёлой поступью.

Внутри, под гигантским килем, царил гнетущая тишина, нарушаемая лишь потрескиванием факелов. Рабочие столпились, отгородившись от чего-то в центре. Они расступились перед Фолкнером молча, с лицами, в которых читался не столько ужас, сколько суеверный страх.

Эдгар Максвелл лежал на спине, раскинув руки, как будто собирался обнять массивный килевой брус, возвышавшийся прямо над ним. Его седые волосы, обычно аккуратно зачёсанные, были растрепаны и слиплись от тёмной, почти чёрной жидкости, залившей дубовую подкладку стапеля. Удар пришёлся сзади, в основание черепа – точный, страшный в своей профессиональной жестокости. Оружие валялось рядом: тяжелый деревянный киянка, один из десятков, разбросанных по верфи. Её рабочая часть была липкой и тёмной.

Но самое жуткое было не в этом. Глаза Максвелла были открыты и смотрели вверх, в паутину лесов и шпангоутов его недостроенного корабля. А в его правой руке, сжатой в предсмертной спазме, был не чертёж, не инструмент. Там зажат был обычный верёвочный узел – «прямой» или «рифовый», один из самых простых и надёжных на флоте. Но завязан он был

криво, неряшливо, словно его делала рука ребёнка или человека, не имевшего к морю никакого отношения.

Фолкнер опустился на одно колено, игнорируя боль в бедре, отстраняя подбежавшего с ужасом на лице Харриса.

– Никто не трогал? Ничего не брал?

– Н-нет, капитан... Как нашли, так и... Боже правый, кто же это...

– Кто нашёл?

Из толпы вышел молодой подсобный рабочий, трясущийся как в лихорадке.

– Я, сэр... Принёс клинья... А он... лежит...

Фолкнер осмотрелся. Место было идеальным для убийства: полумрак, постоянный шум, заглушающий любые звуки, и множество укрытий среди лесов и стройматериалов. Убийца знал распорядок и знал, что Максвелл любил обходить стапель на рассвете один, проверяя работу ночной смены.

Подожли остальные. Джонатан Клейв был бледен, но его взгляд быстро скользил с тела на чертёжные папки под мышкой у помощника Максвелла, словно он уже подсчитывал, что теперь перейдёт в его ведение. Брюстер рычал, что это дело рук тех же подонков-луддитов, и требовал немедленно арестовать всю бригаду Роджерса. Сам Роджерс стоял в стороне. Он смотрел не на тело, а на узел в мёртвой руке. Его лицо, обычно непроницаемое, исказила едва уловимая гримаса – не горя, а глубокого, ледяного презрения.

– Этот узел, – хрипло произнёс Фолкнер, поднимаясь. – Что он значит, мастер Роджерс?

Все взгляды устремились на такелажника.

– Ничего, – отрезал старик. – Это не узел. Это пародия. Так не вяжет никто, кто хоть раз держал в руках конец. Даже зелёный юнга завяжет чище.

Значит, это послание. Искажённый символ. Кто-то издевался над ремеслом. Или пытался что-то сказать, но не знал языка.

– Мистер Харрис, – распорядился Фолкнер, и его голос прозвучал с той стальной командной интонацией, которую он давно в себе не слышал. – Немедленно оцепить это место. Никого не пускать и не выпускать без моего разрешения. Мистер Клейв – все чертежи, записи, расчёты мистера Максвелла должны быть немедленно опечатаны. Всё. Даже клочки бумаги.

– Но... работа... – попытался возразить Клейв.

– Работа остановлена, – холодно парировал Фолкнер. – По приказу Адмиралтейства. Теперь это место преступления.

Он ещё раз обвёл взглядом сцену: гениальный инженер, убитый грубым орудием труда у подножия своего самого совершенного творения. Неряшливый узел в руке. Страх и ненависть в глазах окружающих. Это не была простая расправа. Это был ритуал. Или тщательная инспекция.

И в тишине, воцарившейся после его приказа, Фолкнеру почудился знакомый скрип. Не из лесов. Изнутри. Из самых рёбер «Тандерера». Будто корабль, ещё не спущенный на воду, уже начинал стонать от тяжести совершённого на его деревянном теле преступления.

Глава 6. Портсмутский туман

К полудню верфь затянуло плотным, молочным туманом с залива. Он глушил звуки, превращая привычные очертания кранов и корпусов в зыбкие, угрожающие призраки. Это было физическим воплощением того настроения, что царило среди людей: неясность, скрытость, всеобщая подозрительность.

Фолкнер начал с кабинета убитого. Джонатан Клейв уже хозяйничал там, нервно перекаладывая стопки бумаг. Он попытался убедить Фолкнера, что всё находится в полном порядке, что он, как преемник, сможет продолжить работу Максвелла без задержек. Но его глаза выдали жадное, лихорадочное возбуждение.

– Чертежи, все ли они здесь? – спросил Фолкнер, глядя на тяжелую железную шкатулку с замком, стоявшую в углу. Она была пуста.

– Мистер Максвелл всегда хранил ключевые расчёты при себе, – быстро ответил Клейв. – В сейфе в его доме, наверное. Эти же, – он махнул рукой на стол, – рабочие, общедоступные.

Фолкнер не поверил ни единому слову. «Общедоступные» чертежи гениального инженера? Он приказал опечатать кабинет, включая все ящики, вызвав на лицо Клейва гримасу злобы, которую тот тут же спрятал.

Допрос смотрителя Харриса проходил в его конторе, пропахшей пылью и страхом.

– Кто мог желать смерти Максвеллу? – спросил Фолкнер.

– Все! Нет, я хочу сказать... Он был человеком сложным. Требовательным. Рабочие его боялись, коллеги завидовали... – Харрис вытер платком лоб. – Луддиты! Конечно, луддиты! Он был апологетом машин, новых методов... Они угрожали ему!

– Угрожали лично? Вы слышали угрозы?

– Ну... в общем смысле. Они все против прогресса!

– А кто-нибудь конкретно? Бригада Роджерса?

Харрис заерзал. Обвинить самого уважаемого мастера на верфи – значит, подписать себе приговор в глазах рабочих. Но и не поддержать версию о луддитах было страшно.

– Роджерс... он держит своих в ежовых рукавицах. Но контролировать каждую овцу в стаде... – он развёл руками.

Фолкнер понял: Харрис боится бунта больше, чем нераскрытого убийства.

Надсмотрщик Брюстер, напротив, был агрессивен и прямолинеен.

– Роджерс и его банда. Это очевидно. Инженер давил на них, требовал скорости, а они хотят сидеть, курить трубку да ныть о старых добрых временах. Плюньте на этот узел – это подстава. Они хотели сделать вид, что это не они, что кто-то другой, не умеющий вязать. Хитрость тупых башкой.

– У вас есть доказательства? Свидетели?

– Доказательства – это труп! – прошипел Брюстер. – А свидетелей не будет. Они все как один. Круговая порука.

Найти самого Билла Роджерса оказалось непросто. Он не скрывался, но будто растворился в тумане и в лабиринте такелажных мастерских. Фолкнер обнаружил его в полутьме сарая, где он с невероятной, медитативной аккуратностью плел самый сложный кноп – украшенный узел. Его большие, испаранные пальцы двигались с изяществом ювелира.

– Вас ищут как главного подозреваемого, – сказал Фолкнер, не делая вступлений.

Роджерс даже не взглянул на него.

– Ищут того, кому выгодно, чтобы искали меня.

– А вам это невыгодно?

– Мне не выгодно, когда на верфи льётся кровь. И когда хорошего, хоть и строгого, инженера убивают как собаку.

– Вы называете его хорошим. Но ваши люди его ненавидели.

– Мои люди ненавидят то, чего не понимают. А Максвелл не утруждал себя объяснениями. Он показывал чертёж и говорил: «Делай». Для мастера это обидно. Но... – Роджерс наконец оторвал взгляд от узла, – ...он был прав. Его методы работали. «Тандерер» должен был стать чудом. Теперь не станет.

– Кто-то очень не хотел, чтобы это чудо родилось.

Роджерс тяжело вздохнул.

– Узлы говорят, капитан. Этот, в его руке... это не наша речь. Это крик. Крик того, кто хочет сказать что-то важное, но не знает слов. Или боится их произнести.

Вечером, когда туман сгустился до состояния мокрой ваты, Фолкнера настигли. Не в открытую. Из густого марева вынырнула тень и прошептала ему прямо в лицо, едва он вышел за ворота верфи:

– Спроси про «Серую чайку». Про французского купца.

Прежде чем Фолкнер успел схватить незнакомца, тот исчез в белой пелене, словно его и не было. Только слова повисли в холодном, солёном воздухе.

«Серая чайка». Портсмутская таверна в самом грязном квартале у порта. Логово контрабандистов, дезертиров и прочего сброда. И французский купец...

Возвращаясь к себе, Фолкнер почувствовал, что за ним следят. Не конкретное присутствие, а ощущение множества глаз из тумана. Рабочие, боящиеся потерять работу. Агенты, боящиеся разоблачения. Убийца, боящийся правосудия. Он был здесь один, со своей тростью и своей виной, в центре этого всеобщего, непроницаемого страха. И единственной нитью, ведущей из тумана, был теперь кривой, неряшливый узел и название вонючей портовой таверны.

Глава 7. Чертёжная палата

Кабинет Эдгара Максвелла после опечатывания превратился в склеп. Холодный, пропитанный запахом старой бумаги, чернил и чего-то неуловимого – может, горечи, а может, гения.

Фолкнер сорвал печати и вошёл внутрь, оставив за дверью недовольную, но покорную тень Джонатана Клейва. Он хотел остаться один с призраком убитого.

Стол был завален чертежами. Виды «Тандерера» с борта, сверху, в разрезе. Стройные линии, идеальные пропорции. Фолкнер, знавший корабли как свои пять пальцев, видел изящество, даже революционность в этих линиях, но не понимал её сути. Это было как видеть красивый почерк, не умея читать.

Он методично обыскивал стол. Под стопкой ватмана нашёл тетрадь в кожаном переплёте – дневник расчётов. Страницы были испещрены колонками цифр, формулами, стрелками сил и давления. Но ключевые страницы... были вырваны. Аккуратно, по линии переплёта. Кто-то опередил его.

Фолкнер откинулся в кресле, которое скрипело под ним, словно протестуя против чужого веса. Его взгляд упал на большую, висевшую на стене схему набора корпуса. Обычно шпангоуты (ребра корабля) устанавливались перпендикулярно килю и были параллельны друг другу. Здесь же... они слегка, почти незаметно для неопытного глаза, сходились к носу и корме под едва уловимым углом. Это было невиданно. Это должно было радикально изменить распределение нагрузки.

И тут его осенило. Он порылся в столе, нашёл валявшийся в стороне угольник и приложил его к чертежу. Измерил углы. Его сердце забилося чаще. Это была не просто эстетика. Это было решение вековой проблемы: как совместить прочность корпуса с его обводами для максимальной скорости? Максвелл придумал, как заставить корпус работать как единое целое, как пружину, а не как набор разрозненных деталей. Такой корабль был бы не только быстрее – он был бы прочнее при меньшем весе. Он выдержал бы более мощное артиллерийское вооружение или, что ещё важнее, лучше переносил бы ответные удары.

«Революционная технология, меняющая всю отрасль» – теперь эти слова обретали плоть и кровь, вернее, дерево и металл. С таким изобретением Англия могла бы строить линейные корабли, превосходящие любые аналоги на голову. Или... такие же корабли мог бы строить кто-то другой, заполучив чертежи.

Но где доказательства? Где финальные расчёты? Фолкнер снова взялся за дневник. На обороте обложки, почти невидимой, была нацарапана химическим карандашом фраза: *«V-образный изгиб. Ключ – в продольных связях палубы и киля. Без них – катастрофа. Расчёт нагрузки в красном».*

Красного на столе не было. Фолкнер начал методично простукивать стены, заглядывать за картины. И нашёл. Не потайную нишу, а нечто более простое и гениальное. Максвелл использовал как сейф... огромный, пыльный фолиант «Принципы навигации» на нижней полке. В нём был вырезан прямоугольник, и в этом импровизированном тайнике лежала тонкая папка из красной сафьяновой кожи.

Руки Фолкнера дрожали, когда он открыл её. Иллюстраций почти не было. Сплошные формулы, интегралы, дифференциальные уравнения. Но на первой странице – схема. Не просто набор шпангоутов, а их система, связанная сложнейшей сетью продольных балок, идущих по всей длине корабля под палубным настилом. Это был скелет и мышцы в одном. И подпись: *«Система „Ахиллес“. Дает 20% прироста скорости и 15% прочности при 10% экономии дуба. Патентовать нельзя. Только устная передача мастеру-строителю. Один экземпляр».*

Один экземпляр. А где ещё? В голове Максвелла. Которая теперь разбита.

Дверь скрипнула. В кабинет заглянул Джонатан Клейв.

– Капитан? Нашли что-нибудь? Работа стоит... Адмиралтейство требует отчётов.

Его глаза мгновенно нашли красную папку в руках Фолкнера. В них мелькнула такая жадность и такой страх, что стало ясно – Клейв знал о её существовании. И, возможно, искал.

– Это рабочие заметки покойного, – сухо сказал Фолкнер, закрывая папку. – К делу не относятся.

– Но... но я как преемник должен...

– Вы как преемник должны будете объяснить, почему ключевые страницы из его дневника вырваны, – резко оборвал его Фолкнер. – Или вам уже известно их содержание?

Клейв побледнел как полотно.

– Я... я не понимаю, о чём вы. Я лишь хочу продолжить дело мистера Максвелла.

«И присвоить его славу», – досказал про себя Фолкнер.

Он вышел из кабинета, прижимая к груди красную папку, как самую драгоценную и самую опасную вещь на свете. Убийство было не просто актом ненависти или страха. Это была хирургическая операция по изъятию гения. Кто-то убил Максвелла не как человека, а как носителя знания. И теперь это знание, этот «Ахиллес», было у него. Он держал в руках причину смерти. И, возможно, приманку для убийцы.

Теперь ему было ясно, куда ведёт след. Не только в трущобы к «Серой чайке», но и в самые высокие кабинеты, где решались судьбы флотов и наций. И первый вопрос, на который нужно было найти ответ: кто на этой верфи способен был понять ценность красной папки? Или кому было приказано её заполучить любой ценой?

Глава 8. Допрос в каюте зрителя

Каюта зрителя верфи была тесной, душной и походила на капитанский мостик тонущего корабля. Заваленный бумагами стол, потёртые карты, запах пота, страха и старого табака. Здесь, в этом клокочущем котле, Фолкнер решил собрать главных подозреваемых. Не для того, чтобы найти убийцу за один присест, а чтобы посеять панику, наблюдать и заставить кого-то совершить ошибку.

Он усадил их за стол: нервного Харриса, напряжённого и злого Клейва, мрачного Роджерса и агрессивного Брюстера. Сама красная папка лежала перед Фолкнером, как обвинительный акт.

– Мы здесь не для пустой болтовни, – начал он без предисловий. – Инженер Максвелл был убит из-за того, что знал и создавал. Из-за этого.

Он положил ладонь на кожаную обложку. Все взгляды приковались к ней, кроме взгляда Роджерса, который смотрел в потолок, будто считая трещины в штукатурке.

– Воры и шпионы охотятся за этими бумагами. Убийца – один из них. Или их орудие.

– Это чушь! – выпалил Клейв. – Чертежи – собственность Адмиралтейства! Их кража – дело рук вредителей, тех же луддитов!

– Луддит, способный понять дифференциальное исчисление? – холодно спросил Фолкнер. – Или, может, помощник, годами мечтавший занять место учителя?

Клейв вскочил, опрокинув стул.

– Вы смее...!

– Сидеть! – рыкнул Фолкнер голосом, который двадцать лет назад заставлял юнг замирать в струнку. Клейв, побледнев, опустил обратно. – Вы знали о «Системе Ахиллес». Искali её. Где вы были на рассвете?

– Я... я проверял склад леса! – выкрикнул Клейв.

– Свидетели?

– Рабочие... они подтвердят!

– Они подтвердят то, что ты им прикажешь, щенок! – прохрипел Брюстер, с явным удовольствием видя, как трепещет этот выскочка.

– Заткнись, Брюстер, – глухо сказал Роджерс, даже не глядя на него. – Твои люди тоже не ангелы.

Фолкнер повернулся к Харрису.

– Мистер смотритель. Вам подчиняется охрана. Как человек мог пронести на верфь тяжёлую киянку или унести её, не будучи замеченным? Или оружие уже было здесь?

Харрис был в поту.

– Капитан, протоколы... в ночную смену вход и выход строго учтены... но киянки... их сотни! Любой мог взять...

– Значит, убийца – свой. Тот, кто имеет свободный доступ. Как вы, мистер Харрис. Или вы, мистер Брюстер. Или вы, мастер Роджерс.

В комнате повисла гробовая тишина. За окном доносился приглушённый рёв пилорамы – её наконец починили.

– Узлы, – внезапно сказал Фолкнер. – Мастер Роджерс, вы сказали, что узел в руке Максвелла – пародия. А если это не неумелая работа, а намеренное искажение? Символ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.